ГЛАВА 39. ЧУВСТВА

— Его Старейшина пригласил, специально чтобы за Шестым дядей присматривать.

Не успел Хаожэнь и рта раскрыть, как Хэ Синьжун заговорила сама. В надежде привлечь внимание Вэньхао она старалась придать голосу мягкость, но в нём всё равно сквозила робкая неуверенность.

Хаожэнь мельком взглянул на неё, затем перевёл взгляд на Вэньхао. Не став ничего добавлять и тем самым подтвердив её слова, он просто развернулся и ушёл.

В глазах Вэньхао такое поведение выглядело вызывающе надменным. Он недовольно нахмурился и покосился на Хэ Синьжун — в этом взгляде читалось явное раздражение тем, что она лезет не в своё дело. Синьжун, которая только что надеялась завязать разговор, тут же пала духом и затрепетала от тревоги.

Покинув особняк, Хаожэнь отправился на рынок, набрал целую гору продуктов и поехал в общежитие к Хаомину.

Когда он открыл дверь, внутри было пусто. Хаожэнь только сейчас вспомнил, что сегодня будний день и брат всё ещё на работе. Он набрал номер Хаомина и предупредил, чтобы тот не покупал по пути фастфуд — сегодня в комнате будет накрыт стол.

— Вот как? — Хаомин должен был освободиться только через час с лишним.

Проблема заключалась в том, что он уже забронировал столик в ресторане, чтобы поужинать со своей девушкой. Посмотрев на часы, Хаомин в замешательстве замялся:

— Брат… я обещал Мяо Мяо составить ей компанию сегодня. Столик уже заказан.

Хаожэнь на мгновение замер.

«Вот оно что. И как теперь быть?»

Он посмотрел на огромные пакеты со свежими продуктами. С его повреждённой рукой готовить было крайне неудобно, а одному — и вовсе не под силу всё это съесть. Впрочем, Хаожэнь был человеком понимающим.

— О, ничего страшного, — отозвался он. — Я ещё ничего не успел купить. Так даже лучше — меньше хлопот, перекушу чем-нибудь готовым.

— Ага, — Хаомин чувствовал себя виноватым. — Прости, брат.

Хаожэнь невольно рассмеялся.

— Глупый ты.

Повесив трубку, он снова окинул взглядом гору продуктов на столе. Ситуация складывалась скверная: в общежитии не было холодильника, и если оставить всё как есть, морепродукты испортятся в считаные часы. Но что он мог сделать один, будучи, по сути, «однoруким рыцарем»?

Хаожэнь впал в глубокое уныние. Внезапно в голове мелькнула мысль. Он нахмурился, помедлил секунду, но в итоге подхватил пакеты и вышел за дверь.

Спустя пятнадцать минут раздался звонок в дверь квартиры А-Гуя.

Ся Чжигуй как раз собирался заварить себе лапшу. Услышав звонок, он удивился, взял костыль и, прихрамывая, вышел из кухни. Увидев на пороге Хаожэня с тяжелыми сумками, он просто опешил.

— Дома есть кто-нибудь ещё? — первым делом уточнил Хаожэнь.

Убедившись, что А-Гуй отрицательно качнул головой, он вошёл внутрь.

Хаожэнь сразу направился на кухню. А-Гуй, ничего не понимая, побрёл следом на костылях, собираясь спросить, что всё это значит. Но когда он увидел, как гость один за другим выуживает из пакетов продукты, до него дошло, что тот намерен здесь готовить.

— Эй, — растерянно пробормотал он, — ты не слишком ли тут освоился?

— Я пришёл к тебе подлизываться.

Хаожэнь решил: будь что будет. Настроение и так было паршивым, ему просто не хотелось ужинать в одиночестве. К тому же А-Гуй, по сути, был его вторым боссом. В будущем помощь этого человека ещё не раз могла понадобиться. Хаожэнь признавал, что в тот день в больнице перегнул палку, выставив его за дверь. Им всё равно придётся постоянно видеться, так что не стоило доводить конфликт до предела.

Хаожэнь вывалил рыбу, креветок и крабов прямо в раковину. Пустив воду, он принялся оглядываться в поисках нужных вещей.

Видя, что тот что-то ищет, А-Гуй не выдержал:

— Да что ты делаешь?

— Ищу фартук.

— Откуда у меня здесь такая вещь? — фыркнул А-Гуй.

Не успел он договорить, как Хаожэнь действительно его нашёл. Мелкий «сельский» принт, в цветочек. А-Гуй впал в ступор.

Видимо, Цинь Мэй купила его и оставила здесь. Не успел хозяин опомниться, как фартук «упал с небес» и Хаожэнь ловко накинул его ему на шею.

— И всё-таки, — А-Гуй снова уставился на него, — зачем всё это?

— Будем готовить. — Хаожэнь попытался завязать тесёмки на спине, но с одной рукой дело не шло. — У тебя нет еды, я сам не справлюсь. Почему бы нам не помочь друг другу?

А-Гуй поначалу не хотел ввязываться в эту «бессмысленную» затею. Однако, глядя на то, как Хаожэнь упрямо пытается справиться с узлом, он в конце концов сдался. С тяжёлым вздохом он завёл единственную свободную руку за спину, помогая Хаожэню затянуть бант.

В конце концов, свежие морепродукты куда лучше лапши из пакетика. А-Гуй был подкуплен этим гастрономическим изобилием.

— Сразу предупреждаю: мой кулинарный опыт стремится к нулю.

Хаожэнь на секунду замер.

— Как это возможно? — удивился он. — Ты же живёшь один.

— В этом мире существуют доставка и рестораны, ясно тебе?

— А в детстве?

Вопрос Хаожэня заставил А-Гуя недоумённо вскинуть брови.

— В этом мире есть великий человек, и зовут его — мама.

Эти слова по-настоящему потрясли Хаожэня.

«… Мама?»

В его смутных видениях, в том странном «сне», судьба А-Гуя была трагичной: мать покончила с собой, когда он был ещё ребёнком. Оказалось, что реальность бесконечно далека от тех призрачных образов.

Пока Хаожэнь пребывал в шоке, он вспомнил слова, сказанные Шестым господином в ту ночь в больнице. Тот заставлял его признать: человек перед ним не имеет ничего общего с его памятью.

Заметив, что Хаожэнь окончательно «завис», А-Гуй обернулся:

— Ты чего?

— Да так, ничего, — Хаожэнь заставил себя улыбнуться. — А почему ты сейчас живёшь один? Где твоя мать?

— За границей, — коротко ответил А-Гуй.

— Тогда твой отец… разве он не… — начал было Хаожэнь, но осёкся.

А-Гуй мгновенно изменился в лице. Хаожэнь тут же понял, что снова наступает на больную мозоль. Неловко кашлянув, он поспешил сменить тему:

— Рыбу пустим на суп, а курицу запечём в соли.

А-Гуй понял, что Хаожэнь намеренно избегает острых углов.

— Хорошо, — сухо обронил он.

Так они и начали. А-Гуй отставил костыль и пристроился у раковины. Хаожэнь стоял рядом, подсказывал, что делать, был «на подхвате» и время от времени поддерживал его за локоть. До этого момента им никогда не доводилось работать вместе. Но стоило попробовать — и оказалось, что в этом процессе немало веселья.

Рыба выскальзывала, крабы разбегались — один однорукий, другой хромой; ни поймать толком, ни догнать. С крабами вышла целая баталия: когда вода в кастрюле закипела, Хаожэнь выловил беглецов и бросил в раковину, а А-Гуй, не церемонясь, отправил их прямо в крутой кипяток и захлопнул крышку.

С трудом выпотрошив рыбу, Хаожэнь несколько раз проверил её, прежде чем разрешить А-Гую опустить тушку в раскалённое масло. Курицу, как и планировали, почистили, обернули в бумагу и зарыли в гору соли — томиться на медленном огне. Гусиные лапки отправились тушиться. Креветок, после того как А-Гуй их почистил, Хаожэнь сам принялся быстро обжаривать.

Вскоре аппетитные ароматы заполнили всю квартиру. От одного запаха текли слюнки, а настроение само собой поползло вверх.

Хаожэнь бросил в сковороду к куриным желудочкам щепотку соли и несколько раз встряхнул её. Затем палочками подцепил кусочек и протянул А-Гую. Тот, как раз собиравшийся откапывать курицу из соли, замер, глядя на угощение у своих губ.

— Они хоть прожарились? Не вздумай меня отравить.

— Не прожарились — съем их вместе с тарелкой, идёт?

Раз Хаожэнь был так уверен, А-Гую оставалось лишь верить. Он подул на обжигающий кусочек и принял его из рук Хаожэня. Разжевав желудочек, пропитанный ароматом зелёного перца, А-Гуй не удержался и поднял большой палец вверх.

— Ну как? — улыбнулся Хаожэнь. — Вкус и огонь — всё на месте?

А-Гуй расплылся в довольной улыбке и кивнул. Хаожэнь ещё пару раз крутанул сковороду и выложил блюдо на тарелку. Следом достали дымящуюся курицу в соли. От золотистой кожицы поднимался густой, дурманящий пар. А-Гуй долго вертел в руках нож, прикидывая, как её разделать, но в итоге признал своё поражение в анатомии.

У Хаожэня рука была не в форме. Делать нечего — А-Гуй принялся рвать мясо прямо руками. Одно за другим блюда перекочевали на стол. С кастрюлей рыбного супа возникла заминка: Хаожэнь не мог поднять её одной рукой, а А-Гую нужно было опираться на костыль. В итоге решили налить по паре пиал, а если кто захочет добавки — Хаожэнь сходит на кухню с половником.

После всех трудов они наконец сели за стол. Глядя на результаты своего совместного творчества, оба чувствовали искреннюю, глубокую гордость. Они уплетали еду за обе щеки, то и дело заходясь смехом. У А-Гуя было чудесное настроение; за весь вечер он едва ли умолкал на минуту.

К девяти часам оба окончательно насытились. Хаожэнь принялся убирать посуду. Упаковав остатки еды в холодильник, он собрался мыть тарелки.

— Давай лучше я, — сказал А-Гуй, прислонившись к косяку и наблюдая за ним.

Хаожэнь на миг поднял голову, а затем кивнул. А-Гуй подошёл к раковине, отставил костыль. Боль в лодыжке заставила его едва заметно поморщиться. Заметив это, Хаожэнь встревожился:

— Сильно болит?

Всё-таки А-Гуй долго простоял у плиты. Отёк ещё не сошёл, и такая нагрузка могла только навредить. А-Гуй мотнул головой, но Хаожэнь не поверил. Он забрал у него из рук тарелку:

— Я сам.

Они стояли совсем рядом. Почувствовав тепло Хаожэня, А-Гуй долго не сводил с него глаз. Он вспомнил тот внезапный хмельной порыв в монастыре, и сердце его предательски забилось быстрее.

Хаожэнь удивился, почему А-Гуй не отходит. Он повернул голову и, не успев задать вопрос, почувствовал на своих губах мягкое, мимолётное касание.

Хаожэнь замер. Взгляды встретились, и внутри у Хаожэня всё перевернулось.

Он беспокойно вздрогнул.

— Мы сегодня не пили… — прошептал он.

— Знаю.

С этими словами А-Гуй снова подался вперёд и поцеловал его. В этот миг сердце затрепетало, костыль с глухим стуком упал на пол, а двое, сплетясь в объятиях, больше не разнимали рук…

http://bllate.org/book/17510/1663148